

ISSN 2227-1864

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

ВІСНИК

**ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
імені В. Н. КАРАЗІНА**

Серія «ФІЛОЛОГІЯ»

ВИПУСК 75

Заснована 1965 р.

Харків-2016

У віснику розглядаються актуальні проблеми сучасного мовознавства та літературознавства на широкому матеріалі української, російської та інших мов і літератур.
Для науковців, студентів та всіх, хто цікавиться проблемами філології

Затверджено до друку рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
(протокол № 17 від 26 грудня 2016 р.)

Редакційна колегія:

Безхутрий Ю. М., д. філол. наук, проф., відп. ред. (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна);
Шеховцова Т. А., д. філол. наук, проф., відп. секр. (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна);
Борзенко О. І., д. філол. наук, проф. (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна);
Калашиник В. С., д. філол. наук, проф. (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна);
Коваленко О. Г., д. філол. наук, проф. (Російський університет дружби народів, Москва);
Кравчук І. С., к. філол. наук, доц. (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна);
Кузьменко В. І., д. філол. наук, проф. (Київський національний лінгвістичний університет);
Лагунов О. І., д. філол. наук, проф. (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна);
Мережинська Г. Ю., д. філол. наук, проф. (Київський національний університет імені Тараса Шевченка);
Михайлин І. Л., д. філол. наук, проф. (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна);
Московкіна І. І., д. філол. наук, проф. (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна);
Педченко Л. В., к. філол. наук, доц. (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна);
Слівицька О. В., д. філол. наук, проф. (Санкт-Петербурзький державний університет культури та мистецтв);
Турган О. Д., д. філол. наук, проф. (Запорізький державний медичний університет);
Філон М. І., к. філол. наук, доц. (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна);
Химик В. В., д. філол. наук, проф. (Санкт-Петербурзький державний університет);
Полякова Є. О., техн. ред. (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна).

Адреса редакційної колегії: 61022, Харків, майдан Свободи, 4,
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
філологічний факультет, кімн. II-36, тел. 707-53-54.
E-mail: rus.lit@karazin.ua, philology@karazin.ua

Статті друкуються в авторській редакції.
Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 11825-696ПР від 04.10.2006

© Харківський національний університет
імені В. Н. Каразіна, оформлення, 2016

ЗМІСТ

МОВОЗНАВСТВО

Питання сучасної лінгвістики

Чернцова Е. В.

Художественная нарративная стратегия и когнитивная семантика слова
(на материале глагольных предикатов *казаться, показаться*) 6

Сердега Р. Л.

Синтаксична організація виражених реченням повір'їв (безсполучникові конструкції) 12

Фунікова Т. В.

Становлення флексій родового відмінка однини іменників чоловічого роду
в українській літературній мові XVII ст. (на матеріалі «Синопису» та «Хроніки» Ф. Софоновича) 16

Крапива Ю. В., Гаврилова К. О.

Стратегії побудови передвибірчої промови
(на матеріалах президентської кампанії 2015–2016 рр. у США) 19

Галунова Н. М., Васянович Є. А.

Особливості функціонування концептів «мир» та «війна» у мовній свідомості дітей 9–13 років
з урахуванням гендерного параметра 23

Моспан Е. П.

Железнодорожный жаргон в Интернет-коммуникации 27

Турчак О. М.

Юкстапозитні типи як основа новотворів публіцистичного стилю
(на матеріалі періодичних видань кінця XX століття) 32

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

Семантика та поетика літературного твору

Скубачевская Л. А.

Имя, случай и судьба в «Святочных рассказах» Н. С. Лескова 36

Синявина Л. В.

Фабульное и повествовательное время и его фольклорно-мифопоэтические основания
в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» 39

Черный И. В.

Трансформация библейского сюжета в романе В. И. Крыжановской-Рочестер «Фараон Мернеффа» 43

Вальченко И. В.

Флорентийский текст: Pro et contra 48

Сухоруков В. А.

Поэтика пьесы Л. Андреева «Черные маски» 52

Соценко Н. Ф.

Пасхальный цикл А. И. Куприна 56

Бондаренко А. А.

«Звуковой пейзаж» в рассказе М. Горького «Женщина» 62

Алексеева Н. С.	Типология нарративной модели «текст в тексте» в романах М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и У. Фолкнера «Притча»	66
Мусий В. Б.	Субъективная модальность в рассказе А. С. Грина «Остров Рено»	70
Белогорская Л. В.	Пространственные доминанты романного мира Александра Грина	75
Морева Т. Ю.	О жанровых особенностях рассказа в стихах А. С. Грина «ЛИ»	80
Заць Г. В.	Образи-символи лірики Володимира Ярошенка	83
Мацюк А. А.	Архетип Медеи в философско-литературной концепции Паскаля Киньяра	87

Сучасні дослідження модернізму і постмодернізму ХХ століття

Краснова А. А., Московкина И. И.	Художественный мир «Суламифи» и «Звезды Соломона» А. И. Куприна: между неореализмом и постмодернизмом	93
Полякова Е. О.	Специфика осмысления любовных коллизий «из современной жизни» в малой прозе М. Кузмина	99
Виниченко В. В.	Водный комплекс в прозе Н. В. Баршева	103
Бабай П. Н.	Историзм, метафизика, персонология в неклассической эпопее В. Сорокина «Теллурия»	109
Титаренко Е. А.	Толстой, Достоевский, Соловьев и другие – классические медиаперсоны в пелевинском метатекстуальном проекте	113
Надзирная Т. В.	Загробные блуждания Цинцинната в романе В. Пелевина «Т»	117
Калениченко О. Н.	Неомиф о Люцифере в романе В. Арчера «Выбравший бездну»	121

Інтертекстуальні зв'язки та рецепція художніх творів

Лосиевский И. Я.	Читатель, исследователь, интерпретатор, «соавтор» (на материале работ Андрея Белого о русских писателях XIX – начала XX века)	125
Борбунюк В. А.	«Последний человек девятнадцатого столетия»: А. Чехов и Ю. Олеша	138
Еремина-Чащина М. В.	Диалог с русской классикой в малой прозе С. Д. Кржижановского	146
Маханьков Е. А.	На пересечении Пушкинской и улицы Гоголя: рецепция творчества русских классиков в романе В. Набокова «Дар»	150
Беспаленко Д. И.	Аллюзии на судьбу и текст Достоевского в «Путях небесных» И. С. Шмелева	155

<i>Гребеницкова А. Г.</i> Роль и функции интертекста в интернет-постах Татьяны Толстой	159

Культурно-естетичні аспекти вивчення літературних явищ

<i>Волик Н. А.</i> Торжественная ода М. В. Ломоносова в русской литературе XVIII века и ее взаимодействие с риторикой	164
<i>Силантьева В. И.</i> Традиция в системе переходности. Чехов на сломе двух эпох	168
<i>Никипелова Н. А.</i> Чехов и Шекспир: мотив театра в драматическом сюжете «Бури» и «Чайки»	174
<i>Педченко Е. В.</i> Классические и неклассические любовные треугольники в прозе В. Брюсова	179
<i>Гармаш Л. В.</i> Ф. М. Достоевский в литературно-критических трудах Андрея Белого: диалектика самопознающего сознания	184
<i>Жиленко І. Р.</i> «Свіжий сміх сьогоднішнього дня» Аркадія Аверченка (на матеріалі збірки «Дюжина ножів у спину революції»)	188
<i>Евстафьева Н. П.</i> «Человек с душой, сплетенной из грязи, нежности и грусти»: Гайто Газданов о Василии Розанове	192
<i>Борзенко О. І.</i> Олексій Петров і «київські змовники»	195
<i>Садовська Ю. В.</i> Інтелігенція в революції (М. Асуела «Ті, хто низу», О. Фадєєв «Розгром»)	201
<i>Михайлин І. Л.</i> Масове суспільство та елітарна людина в концепції Майкла Янга	206
<i>Рзаев Назим Агаверди оглы</i> Мейхана как один из жанров устного народного творчества	211

Рецензії

<i>Андрущенко Е. А.</i> [Рец. на кн.]: Поддубная Р. Н. Современность классики: избранные труды / Р. Н. Поддубная; сост. И. И. Московкина, Т. А. Шеховцова. Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2015.	215
<i>Калашникова О. Л.</i> Счастье «Несчастливого Никанора» [Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н*****/подг. текста, коммент., статья Т. Е. Автухович. СПб.: Наука, 2016]	216

Пам'ятні дати

Юбилей Михаила Лукича Гомона	222
ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ	224

Культурно-эстетичні аспекти вивчення літературних явищ

УДК 821.161.1

Н. А. Волик

Мариупольский государственный университет

Торжественная ода М. В. Ломоносова в русской литературе XVIII века и ее взаимодействие с риторикой

Волик Н. А. Торжественная ода М. В. Ломоносова в русской литературе XVIII века и ее взаимодействие с риторикой. Статья посвящена проблеме становления жанра торжественной оды в русской литературе XVIII века и его взаимодействию с теоретическими руководствами в рамках риторической культуры. С этой целью был проведен сопоставительный структурный и стилистический анализ «Оды на день восшествия Елисаветы Петровны 1746 года» с жанровыми характеристиками панегирика, описанными в «Риторике» Ломоносова. Анализ показал, что торжественная ода воплощает собой следование риторической модели эпохи и является поэтическим образцом использования готового слова.

Ключевые слова: риторическая модель, риторическое слово, торжественная ода, панегирик.

Волик Н. А. Урочиста ода М. В. Ломоносова у російській літературі XVIII ст. та її взаємодія із риторикою. Стаття присвячена проблемі становлення жанру урочистої оди у російській літературі XVIII ст. та його взаємодії з теоретичними посібниками в рамках риторичної культури. С цією метою був проведений зіставний структурний та стилістичний аналіз «Оди на день сходження Єлисавети Петрівни 1746 року» із жанровими характеристиками панегирика, описані у «Риторичі» Ломоносова. Результатом дослідження став висновок про те, що урочиста ода наслідує риторичну модель епохи та є поетичним взірцем використання готового слова.

Ключові слова: риторична модель, риторичне слово, урочиста ода, панегирик.

Volik N. The solemn ode by Lomonosov and its interaction with rhetoric in Russian literature of 18th century. This article is about becoming of the solemn ode's genre in Russian literature of 18th century and about his interaction with the theoretical guidelines within the rhetorical culture. For this was conducted the structural and stylistical analysis of «The Ode on the day of accession of Elizabeth Petrovna by 1746». Then we compare ode and the genre of panegyric was described in «The Rhetoric» by Lomonosov. As a result solemn ode embodies era rhetorical model and is a sample of the finished word.

Keywords: rhetorical model, rhetorical word, solemn ode, panegyric.

История русской литературы XVIII века представляет собой период становления художественной литературной традиции в условиях риторической культуры. Данный тип культуры становится способом обобщения действительности через ее авторское переосмысление, описание и воспроизведение. Русская литература, находясь в качественно неравных условиях с западноевропейской литературой, избирает рефлективно-традиционалистский способ творчества, создавая произведения по образцу или согласно теоретическому предписанию. В этом отношении особый интерес представляет собой проблема становления русской лирики в рамках «риторического мышления» как под влиянием

поэтик, так и риторических руководств. Авторы риторик, ориентируясь на европейскую или античную традиции, предписывали жанрово-стилевые особенности, стихотворный размер, рифму и особенности поэтического языка произведений. Лирические жанры находились в не совсем естественных для них нормативных условиях, когда поэзия являлась не результатом эмоционального переживания, а следствием логических, последовательных рассуждений.

Исследованиями риторики как способа постижения и обобщения действительности и ее влиянием на русскую литературу XVIII столетия занимались такие исследователи как Т. Е. Автухович, А. В. Михайлов, С. С. Аверинцев. Наше исследование посвящено самому риторическому лирическому жанру русской литературы этого периода – оде. На примере

анализа одной из торжественных од Ломоносова мы попытаемся проследить, какое влияние оказали на произведения этого жанра знаменитые «Риторики» поэта и какие ораторские жанры стали отправной точкой в одическом творчестве Ломоносова. Ранее проблему эволюции лирического одического жанра и условия его формирования исследовали Ю. Н. Тынянов, Г. А. Гуковский, Л. И. Сазонова, Е. А. Погосян и др.

Для описания литературного процесса, в условиях которого происходит зарождение и становление лирической оды, воспользуемся терминологией Т. Е. Автухович, которая выделяет три основополагающие категории в создании художественного произведения XVIII века: риторическую парадигму, риторическую модель и риторическое слово. При этом под риторической парадигмой исследователь понимает «характеристику соотношения реальности и ее изображения в риторическом произведении» [1:44], а под риторической моделью – «первичную модель авторского высказывания, в основе которой лежит каноническая ситуация непосредственного общения, в данном случае общения автора с читателем» [1:37]. Что же до риторического слова, то здесь сошлемся на мнение А. В. Михайлова, который утверждает, что поэзии в эпоху риторического типа культуры, каковой, без сомнения, является эпоха XVIII века, свойственно пользоваться так называемым «готовым словом», «которое заранее дано поэту (или ученому, или оратору, и т. д.), – слово, данное как готовый смысл. Не нормативное правило, задано, а именно готовый, уже готовый смысл, форма понимания и обобщения всего, что есть» [5:310]. При этом автор предлагает называть «морально-риторическую» систему культуры «мифориторической». В условиях такого типа культуры автор пользуется риторическим словом, т.е. словом с заданным готовым лексическим и моральным смыслом.

Среди лирических жанров русской литературы одним из наиболее риторических после сатиры принято считать оду, которая испытывала влияние со стороны ораторской прозы. Ю.Н. Тынянов отмечает: «Ода как витийственный жанр слагалась из двух взаимодействующих начал: из начала наибольшего действия в каждое данное мгновение и из начала словесного развития, развертывания. Первое явилось определяющим для стиля оды; второе – для ее лирического сюжета; при этом лирическое сюжетосложение являлось результатом компромисса между последовательным логическим построением (построение «по силлогизму») и ассоциативным ходом сцепляющихся словесных масс» [7:228]. Уже то, что данный жанр синтезирует в себе черты лирики и эпоса, обладает однонаправленной линейной композицией – от

автора к читателю, характеризуется пышным и витиеватым стилем дает основание для его сопоставления с некоторыми ораторскими жанрами, имевшими установку на произносимость.

Риторическая модель жанра оды, на первый взгляд, по своей диспозиции соответствует структуре ораторской речи, а точнее хрии (аргументированной речи), о которой Ломоносов сначала упоминает в «Риторике» 1744 года. Затем в «Риторике» 1748 года он выделяет хрию как отдельный вид речи, состоящий из восьми частей: 1) приступ, 2) парафразис, 3) причина, 4) противное, 5) подобие, 6) пример, 7) свидетельство, 8) заключение. «Хрия есть слово, которое изъясняет и доказывает краткую нравоучительную речь или действие какого великого человека, и посему разделяется на действительную, словесную и смешанную» [3:295]

Также обнаруживается близкое композиционное единство между жанром торжественной оды и панегириком. Так, Л. И. Сазонова отмечает, что творчество В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова являет собой переходный для панегирического жанра этап, когда он воплощается в похвальной, торжественной, комплиментарной оде. «Приуроченные к знаменательным событиям в жизни царской семьи и государства, оды продолжили традицию окказиональной поэзии. Но в отличие от панегириков ода получила твердую жанровую форму» [6:104].

Мнение о близости жанра оды к ораторской прозе не всеми исследователями воспринимается однозначно. Так, Ю. Н. Тынянов оправдывает лирически большое количество строф в одах Ломоносова необходимостью эмоциональной разрядки, которую не способна была реализовать объективно присутствовавшая логическая структура. Г.А. Гуковский считает единственной темой одического творчества поэта изображение восторженного духа с его многочисленными эмоциями: «пиит руководим в своем пении не разумом, но восхищением; его воображение парит, пролетает мигмом пространство, время, нарушает логические связи, подобно молнии освещает сразу разнообразные места» [2:47]. Таким образом, исследователь констатирует: «здесь логика уступает место эмоционально-оправданным связям; план оды Ломоносова противопоставляется обыденному представлению о разумном плане практического изложения» [2: 48].

В «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия» 1744 года значится, что «панегирик есть слово похвальное высокия особы, места или действия достохвального» [3:70], содержащее в себе описание душевных качеств, характерных черт, добродетелей, талантов, благородных поступков и т.д. Панегирик имеет

традиционную для ораторской речи структуру:

1. Вступление «должно быть цветно и приятно, тропами, фигурами и витиеватыми речью...» [3:71].

2. Тема в панегирике должна быть сформулирована «украшено и витиевато, под какою-нибудь фигурою или смешанною аллегориею» [3:71].

3. Истолкование осуществляется тремя способами: 1) когда сначала говорится о том, за что вообще особа достойна похвалы, а затем уточняется, чем славится именно эта особа; 2) когда похвалы перечислены в хронологическом порядке – от младенчества, до старости; 3) «когда только самые знатнейшие свойства и добродетели похвалены бывают» [3:71].

4. Утверждения (доказательства) не являются обязательной частью панегирика, но содержат «замысловато и пространно предложенные дела, свойства и добродетели» [3:71].

5. Заключение содержит «побуждение к любви и почтению похваленных особы или места, к подражанию достохвального действия» [3:71].

Стиль панегирика должен «употреблять замыслы, тропы, высокие и приятные фигуры, как отвращение, представление, разговор, вымысл» [3:71–72].

Опираясь на исследования Л. И. Сазоновой, Г. А. Гуковского, Ю. Н. Тынянова, проведем сопоставительный анализ композиции «Оды на день восшествия на всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийская 1746 года» М. В. Ломоносова с диспозицией панегирического произведения, изложенной выше по «Риторике» Ломоносова, чтобы выяснить, какое непосредственное влияние оказало руководство по красноречию на становление жанра оды. Также охарактеризуем стиль оды и рассмотрим использование риторических тропов и фигур.

Автор начинает свое вступление, прибегая к образам античной мифологии, то есть употребляя т.н. «постоянные собственные имена». Изображение вершины Парнаса и собрания Муз создает в читательском воображении идеальную картину покоя, блаженства и одухотворенности. Для создания атмосферы естественного, истинного восхваления Елисаветы, которое имеет божественное происхождение, Ломоносов олицетворяет природу посредством метафор («воды протекают», «холмы и древа зывают», «гласом возвышают» [4:137]) и противопоставляет неторопливый, прохладный пейзаж приятному шуму во второй половине первой строфы: «Меня не жажда струй прозрачных, // Но шум приятный в рощах зланных // Поспешно радостна влечет...» [4:137].

Тема оды – прославление деяний Елисаветы

Петровны – аллегорично представлена поэтом как спасение от темноты, избавление от страданий и утешение. Традиционна для композиции торжественных од Ломоносова антитеза свет – тьма, когда восход солнца символизирует восхождение императрицы на престол, пришедший на смену темным временам:

Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться,
И тем почтить его приход.
Он блеск и радость изливает
И в красны лики созывает
Спасенный днесь Российский род [4:136].

Перейдем к истолкованию выбора темы, где поэт образным, витиеватым стилем, третьим способом, то есть перечисляя самые яркие достоинства царской особы, аргументирует свою похвалу Елисавете. Иногда Ломоносов говорит о всемогуществе и милосердии царицы, прибегая к приему силлогизма (используется в хрии), например, ностальгия по петровским делам и несвобода от власти бироновщины привели как следствие к тому, что Россия просит утешения у своей защитницы:

1. Взирая на дела Петровы, // На град, на флот, и на полки,

2. И купно на свои оковы, // На сильну власть чужой руки,

3. Россия ревностно вздыхала // И сердцем всякой час зывала // К тебе, защитнице своей... [4:138].

Еще один прием, встречающийся в жанре Ломоносовской оды, сближает его с хрией: поэт часто обращается к истории и приводит свидетельства правления Петра I как пример для наследования царствования Елисаветы: «Взирая на дела Петровы, на град, на флот, и на полки», «Воздвигни нам Петрово Племя»; «Покрой отечески законы» [4:138], «Таков был Петр – врагам ужасен // Своим Отец, везде велик» [4:143]. Изображая Елисавету, автор называет ряд достоинств, возносящих ее надо всеми, например, щедрость, милость, мужественность и красота:

Взирая на Елисавет
И купно на ее доброты:
От ней текут на всех щедроты,
Как твой повсюду ясный свет [4:142].
Коль наша радость справедлива!
Нас красит сладостный покой;
О коль, Россия, ты счастлива
Елисаветиною рукой!
Противны сил ее страшатся
И купно милости чудятся [4:143].
Дела Петровой дщери громки
Представив в мысленных очах...
Не всяк ли скажет быть чудесно,
Увидев мужество совместно
С толикой купно красотой? [4:143–144].

Утверждения (доказательства) не обязательны в структуре панегирика, но могут присутствовать в иносказательной форме. Славное пятилетнее правление императрицы принесло свои плоды, которые Ломоносов перечисляет в доказательство многим радостям:

Пять крат под счастливой державой
Цветами красилась земля;
Стократной облечился славой
Российски грады и поля:
Стоят трофеи вознесенны,
Цветут оливы насажденны
Елисаветной рукой,
Что новых светов досягает;
От той Европа ожидает,
Чтоб в ней восставлен был покой [4:144].

Для того чтобы подчеркнуть богоданность императрицы, поэт прибегает к приему чистого вымысла посредством эпизода, в котором Бог дарит России свет в образе Елисаветы, что повторяет сюжет о библейском сотворении Богом света из тьмы:

Уже народ наш оскорбленный
В печальнейшей ноши сидел.
Но бог, смотря в концы вселенны,
В полночный край свой взор возвел,
Взглянул в Россию кротким оком
И, видя в мраке ту глубокою,
Со властью рек: да будет свет.
И бысть! О твари обладатель!
Ты паки света нам создатель,
Что взвел на трон Елисавет. [4:140].

Ломоносов в «Риторике» 1748 года отводит вымышленным элементам серьезную роль в преклонении на свою сторону: «Вымыслы в красноречии таковы суть, каковы на сражениях военные хитрости <...>. И как от оных приходят неприятели в замешательство и беспорядок, позабывают и оставляют свои предприятия и расположения, так и слушатели или читатели слова вымысла восхищаются и позабывают свои возражения, противные предлагаемой материи» [3:221].

Заключение оды, подобно хвалебной речи, содержит пожелания к процветанию державы, к свершению геройских дел и повсеместному

распространению славы. В последней строфе поэт приводит сравнение деятельности царицы с могучей рекой, также распространяющей свое влияние вокруг:

Да возрастет ее держава,
Богатство, счастье и полки
И купно дел геройских слава,
Как ток великия реки
Чем дале бег свой простирает,
Тем больше вод в себя вмещает
И множество градов поит;
Разлившись, на поля восходит,
Обильный тук на них наводит
И жатвы щедро богатит [4:146].

Итак, русской литературы XVIII века развивается в условиях риторического типа культуры, когда автор представляется законопослушным гражданином, соблюдающим правила и каноны литературного творчества, и выполняет не только эстетическую, но и морально-воспитательную роль. Воплощением риторической модели ораторского искусства стала проанализированная выше ода Ломоносова, которая по своей структуре во многом повторяет линейную композицию хвалебной речи (панегирика) и частично хрии. Поэт, подобно оратору, в монологической форме дает описание готовой действительности, состоящей из эпизодических картин и с установкой на их позитивное эмоционально-страстное восприятие в процессе декламации. Результаты анализа подтверждают, что в условиях данного типа культуры риторическая модель жанра строилась по аналогам ораторских речей только в поэтической форме, с избытком лирических отступлений и демонстрировала творческий подход Ломоносова, преодолевающий строгие риторические каноны.

Следует отметить, что образцово-подражательный подход к литературному творчеству в русской литературе оказал значительное влияние на лирические произведения и целесообразно было бы проследить дальнейшую судьбу одического жанра в творчестве русских поэтов конца XVIII века во взаимосвязи с риторическими традициями.

Литература

1. Автухович Т. Е. Риторика и русский роман XVIII в.: взаимодействие в начальный период формирования жанра: учебное пособие / Т. Е. Автухович. – Гродно, 1995. – 185с.
2. Гуковский Г. А. Ломоносов, Сумароков, школа Сумарокова / Г. А. Гуковский // Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 352 с.
3. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. / М. В. Ломоносов (под ред. С. Г. Бархударова, Г. Б. Блока, В. В. Виноградова). – М.; Л.: Издательство академии наук СССР, 1952. Т. VII. Труды по филологии – 1952. – 997 с.
4. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. / М. В. Ломоносов (под ред. С. Г. Бархударова, Г. Б. Блока, В. В. Виноградова). – М.; Л.: Издательство академии наук СССР, 1959. Т. VIII. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. – 1959. – 1288 с

5. Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII –XIX вв. / А. В. Михайлов // Античность как тип культуры. – М.: Наука, 1988. –336 с.

6. Сазонова Л. И. От русского панегирика XVII в. к оде М. В. Ломоносова / Л. И. Сазонова // Ломоносов и русская литература. – М., 1987. – С. 103 – 126.

7. Тынянов Ю.Н. Ода как ораторский жанр / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 227–252.

УДК 821.161.1-3(091)

В. И. Силантьева

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Традиция в системе переходности.

Чехов на сломе двух эпох

Силантьева В. И. Традиция в системе переходности. Чехов на зламi двох епох.

У статті поставлено питання про особливості успадкування традиції в періоди «зламу епох» і переходу від однієї форми художнього відображення світу до іншої. Питання перехідної художньої свідомості сьогодні в літературознавстві обговорюються майже постійно, а у просторі «власне літератури» на цей запит відповідає постмодернізм. Для характеристики подібних «неврівноважених» періодів часто використовують термінологію і понятійний ряд, запропонований синергетиками. Тому в статтях і об'ємних літературознавчих роботах використовуються поняття «нерівноважність», «дисипативність», «ентропія». Ми стверджуємо, що в ситуації турбулентності і торжества Хаосу коригується засвоєння традиції, формується новий погляд на досягнення попередників. У нашій роботі пропонується нова схема аналізу творів, що написані в епоху переходності.

Відправним моментом дослідження стала творчість Чехова як письменника, який з'єднав ХІХ-й і ХХ-ий літературні століття. Показано ставлення цього письменника до проблеми засвоєння й переосмислення минулого, і в першу чергу, ставлення до традиції. У роботі використовуються не тільки твори, а й листи Чехова. Особливо докладно ті, в яких відображена полеміка Чехова з Толстим з приводу роману «Воскресіння».

Теоретичне обґрунтування основних положень статті складають роботи Ю. Лотмана з питань художнього «вибуху»; а також роботи Р. Арнхейма і М. Вертхеймера з гештальт-теорії. Ще – напрацювання Вл. Соловйова з проблеми «всеїдності» як філософської доктрини, яка визначає собою модель хаосу і турбулентного розвитку життя і мистецтва. Синергетична модель переходу через розпад і хаос до відносної стабільності підтверджується основними положеннями численних досліджень Г. Хакена, І. Пригожина, а також їх послідовників.

Що стосується Чехова, то питання про його «перехідну позицію» в мистецтві рубежу ХІХ–ХХ століть дебатуються досить давно. Першоджерелом такого ставлення до письменника Чехова можна вважати роботи Андрія Белого і Д. Мережковського – критиків, які часто піднімали питання про місце письменника в сучасному йому літературному потоці. Протягом ХХ століття ця проблема неодноразово обговорювалася у наукових колах, але тільки з обґрунтуванням теорії переходності в кінці ХХ і на початку ХХІ століття історія з освоєнням чеховського спадщини отримала новий імпульс розвитку.

Досліджуючи заявлену в даній статті проблему, її автор приходять до висновку про те, що традиція в моменти «зламу часів» переважно розглядається як об'єкт насмішки і епатажного заперечення. Від неї воліють відмовитися, а не коригувати, не переосмислювати відповідно до вимог часу. Але одночасно багатьма письменниками традиція сприймається і як об'єкт для активних художніх експериментів. У цьому випадку про свої права активно заявляє фактор «прогресивної випадковості». В результаті такої дії створюються нові довговічні (або недовговічні) жанрові форми. Так сталося з Чеховим: він залишив нам твори, які виявилися довговічними, але якийсь час дивували сучасників і викликали їх гнів. Проте, саме ці форми вижили і продовжують жити у ХХІ столітті.

Ключові слова: перехідний час, хаос, нерівноважність, дисипативність, ентропія, флуктуація, традиція.